

Крылов В.А. "Обыкновенные гвардейцы" (Через "Долину смерти")

Author : olga

Date : 23.02.2016

Отрывок из книги. Глава «Через «Долину смерти»»

Полный текст книги: http://militera.lib.ru/memo/russian/krylov_va/index.html

К вечеру 16 мая [1942 г] наш полк сосредоточился в лесу, в двух километрах юго-западнее Кречно. Утром надо приступать к строительству деревянной дороги — «лежневки». Попов спрашивает нас:

— Вы понимаете что-нибудь в строительстве такой дороги?

Мартынов удивленно вскинул брови.

— Я же коренной москвич. Восемнадцатилетним парнем пошел в артиллерийское училище. А там не учили такой специальности.

— Придется пораскинуть умом, — задумчиво произнес Борис Васильевич. — Не боги горшки обжигают. Верно, комиссар?

— Верно. В дивизионе много северян. Они-то должны знать, как строится «лежневка». А в дивизии есть саперы. Покажут, что надо делать.

И вот саперы уже разметили трассу дороги, указывают, как валить деревья, как укладывать их.

Харитон Плаксин подошел к высокой сосне, постучал по стволу обухом топора и тихо произнес:

— Хороша. Из таких бы дом построить. Ох, и жилье было бы! Высший сорт.

Рядом стоят пильщики — Никита Залесский и Афанасий Дубина. Дубина подхватывает вздох Плаксина:

— Да, жалко такую красавицу.

Плаксин поплевал на руки:

— Ну, как говорят, господи благослови! — И топор вонзился в ствол сосны.

Бойцы работают весело. Стук топоров, треск сучьев, шаркающая песенка пил, шум падающих лесных великанов — все это сливается в один общий гул. Работаю и я. В молодости приходилось бывать на рубке леса, держать в руках топор еще не разучился. Рядом со мной трудятся Борис Васильевич и Мартынов. Пока я надрубая дерево, Алеша мечтательно декламирует:

Плакала Саша, как лес вырубали.

Ей и теперь его жалко до слез... [76]

Через двое суток мы закончили свой участок дороги. Да и вся дорога — ее длина четырнадцать километров — почти готова. Свеженькая, пахнущая смолой, она выведет нас на Большую землю.

У нас спокойно, к нам не залетают вражеские мины и снаряды, А вот отрезок дороги в «Долине смерти» строится под обстрелом. Он еще недоделан. Посылаем туда сорок наиболее умелых бойцов.

По деревянному настилу идет группа старших командиров. Комиссия. Здесь и представители командования нашей дивизии — полковник М. П. Пугаев и батальонный комиссар Н. В. Ляпунов. Генерал Андреев и бригадный комиссар Семенов недавно получили новые назначения, уехали из соединения.

Впереди всех размашисто шагает среднего роста, молодой еще генерал-майор. Попов докладывает:

— Дорога на вверенном мне участке сделана полностью.

— Вот и замечательно! — Генерал улыбнулся и пожал Попову руку. — Хорошо поработали. Молодцы! К утру и последний участок будет готов. Завтра тронемся в путь. Весело поедем. С концертом. Пушки для этого поставим. Парочку-другую истребителей пустим, прикроем выход частей с воздуха. Глядишь, и проедем.

— А как же, проедем! — Наш Гончаров тут как тут. Уж такой характер у Ивана Николаевича. Как он потом признался мне, давно мечтал поговорить с генералом. Ведь он генерала-то первый раз в жизни так близко видел. И, конечно, не утерпел, вмешался в разговор: — Как пить дать, проедем. Немцы и опомниться не успеют, а мы уже на той стороне болота будем.

Генерал рассмеялся.

— Ну, бывайте здоровы. Желаю вам счастливого выхода.

Группа старших командиров пошла вперед, к «Долине смерти».

— Кто этот генерал? — спрашиваю Попова.

— Командир кавкорпуса Гусев. Его части выходят отсюда вместе с нами.

Я хорошо помнил сообщения Совинформбюро о конниках Гусева, заметки в газетах об их боевых делах на нашем участке фронта. Так вот он какой, командир прославленных кавалеристов, совсем простой. [77]

Ночь. Пехота нашей дивизии уже ушла вперед. На дорогу вытягиваются обозы, полковые пушки и автомашины. Идут впритык. Движение медленное: два-три километра в час. Колонна часто останавливается, подолгу стоит на месте.

На далекой лесной опушке горят маленькие костры. Их много. Отсюда они кажутся яркими звездочками, играют, переливаются рубиновым цветом. Там сосредоточился корпус генерала Гусева. А еще дальше — части 24-й дивизии. Об этом я узнал случайно от бойцов, пришедших посмотреть дорогу.

Утром в дивизион пришел командир полка подполковник Квак.

— Вот вам задание: нужно подготовить команду из тридцати человек, — сказал он нам с Поповым. — Будут выносить артиллерийские приборы и стрелковое вооружение со старого артдопа. Командиром назначьте наиболее опытного товарища.

— Ясно, — козырнул Попов. — Сейчас займемся.

— Я буду впереди, со штабом полка. Будьте расторопны, не застряньте здесь, — предупредил Квак.

С комиссарами батареей подбираем людей для «особой команды», как сразу же окрестили мы группу по выносу вооружения. Обсуждаем каждую кандидатуру — хватит ли у бойца сил выдержать ежедневный переход от Кречно к Мясному Бору с тяжелой ношей, да еще под обстрелом противника? Учитываем также и то, что эта команда может оказаться в окружении. Значит, надо будет пробиваться к своим.

От управления дивизиона включили десять человек. Среди них сержант Митрофанов, красноармейцы Плаксин, Гончаров.

Через полчаса тридцать человек выстроились на маленькой полянке, недалеко от деревянной дороги. Исхудавшие, плохо одетые, но твердые духом. У них хватит стойкости и мужества перенести все испытания, которые выпадут на их долю.

— Не мастак я говорить речи. Да и не в этом суть, — обращается к бойцам Попов. — Ваша задача и простая и важная: надо вынести артприборы с дивизионного обменного пункта из-под Кречно к Мясному Бору. Придется много раз пройти по этой дороге под огнем врага. Будьте стойкими. Не забывайте, что вы — гвардейцы. Кто[78] считает себя слабым, пусть выйдет из строя. Требуется только добровольное согласие.

Сержант Митрофанов говорит, не выходя из строя:

— Справимся, не беспокойтесь, товарищ майор.

Начальником «особой команды» Борис Васильевич назначил старшего лейтенанта Игнатьева. Отдаю ему список бойцов. Подзываю сержанта Митрофанова.

— Вот вам помощник. Сержант Митрофанов, коммунист. Он будет парторгом вашей команды.

Вечером команда Игнатьева уходит к Кречно. Провожая ее, желаю успешной работы и благополучного возвращения.

Штаб полка и первый дивизион вытянулись на деревянную дорогу. В первом дивизионе нет таких поездов, как у нас, им командир части дал несколько автомашин для вывозки орудий.

А нас из-за этих длинных поездов оставляют на самую последнюю очередь. Начальник оперативного отделения штаба дивизии, красивый кавказец, майор стоит в самом начале «лежневки» и сердито говорит Попову:

— Не могу пустить. От ваших колымаг дорога полетит ко всем чертям! Не могу!

Попов готов сцепиться с ним:

— По приказу командира дивизии на дорогу втягивается артполк. Штаб и первый дивизион уже на дороге. Сейчас моя очередь.

Голос Попова становится угрожающим. У него бывают такие минуты. Внешне он кажется

спокойным, но вот вдруг сразу же, как искра, вспыхивает. А вспыхнув, может натворить таких дел, что за них же после будет краснеть. Я знаю этот недостаток Бориса Васильевича, угадываю приближение вспышки и стараюсь в такой момент быть возле него. При мне Попов как-то сдерживается. Впрочем, сейчас и я готов поддержать Попова!

— Какая очередь, галубчик! После вас никакой очереди нэ будет. Последними поедете. А приказ по дивизии я сам писал.

Но наш спор прекратился — подошел полковник Пугаев. Всего несколько раз видел я начальника штаба дивизии и каждый раз говорил себе: «Вот образец советского командира». В любых условиях, даже самых трудных, Михаил Петрович всегда спокоен и выдержан. Его уважают [79] не только как прекрасно знающего военное дело специалиста, но и любят как человека.

Попов докладывает Пугаеву, что ничего страшного в наших поездах нет, что он все рассчитал, даже на случай поломки дороги создал ремонтную бригаду.

Полковник соглашается с Поповым.

— Вытягивайтесь на дорогу, — отдает он распоряжение.

С грохотом и лязгом 6-я и 5-я батареи вползают на деревянный настил. Пугаев внимательно смотрит на наши поезда. И мы знаем: если поломаем сейчас деревянную дорогу, сидеть нам с этими поездами в ожидании самой последней очереди. Но обе батареи вытянулись на дорогу благополучно.

Пора двигаться 4-й батарее. Попов подает команду. Но вот к нему подходит Коваль. На загорелом до черноты лице виновато-растерянное выражение.

— Четвертая вынуждена остаться на месте, — говорит он тихо, опустив голову. Это первый случай, когда Коваль не может выполнить приказ. — Поломался трактор.

Но если Коваль старается быть спокойным, то комиссар батареи А. П. Лохов дает волю своим чувствам, обвиняет Царика в том, что тот дал ему плохой трактор и самого слабого тракториста.

— Ремонтируйте. Как можно быстрее, — приказал Попов.

Говорю Алексею Прокофьевичу Лохову:

— Я приду к вам. Вот только провожу пятую и шестую батареи к Волхову. И хорошего тракторного механика, Копнина, возьму с собой.

Пройдя каких-нибудь три километра, мы остановились. Вторые сутки стоим на месте. В «Долине смерти» почти все время гремит канонада. Через каждые полчаса фашисты бьют по дороге из всех видов оружия. Мартынов уже был там, вернулся с неутешительным сообщением:

— «Долина смерти» обстреливается даже пулеметами. Пройти трудно. Идут будто по огненному коридору.

Впоследствии эту дорогу так и назовут. Да, это был самый настоящий огненный коридор, по которому выходили наши войска.

Сидим у маленького костра. Совсем бы мирная картина, вроде как охотники на привале, но

недалеко от [80] нас бухают орудия, грохочут разрывы, высоко в небе слышен прерывистый гул вражеских бомбардировщиков.

Недалеко от костра небольшая палатка. В ней спят Попов и Мартынов. А я не могу спать. Рядом со мной дремлет Никита Залесский. Сидит, прислонившись к стволу дерева, голова запрокинута назад. Ему неловко, он все время ворочается, ерзает, старается устроиться поудобнее. Афанасий Дубина лежит с противоположной стороны костра, на еловом папушнике. По тому, как держит он голову, видно, что не спит.

Михеев ломает сухие ветки и подкладывает их в огонь.

— Хотел бы я знать, — задумчиво произносит он, — куда нас пошлют?

— Ты, Меркулыч, третий раз сегодня об этом говоришь, — глухо откликнулся Дубина. — И ответ получишь все тот же: не знаем.

— Узнаешь, когда будем на месте. Ведь сказано: едем на переформировку. Чего еще тебе надо? — сердито ворчит Кузьма Егорычев. Он не может сидеть без дела и сейчас занят... выжиганием мундштука. У нас нет табаку, забыли его вкус, а Кузьме вдруг взбрело в голову выжечь новый мундштук. — Вон и старшина Риталь подтвердит.

Днем Риталь ходил к Мясному Бору получать продукты. Но своего ДОПа не нашел и вернулся с несколькими пачками рисового концентрата, выпрошенными у какого-то сердобольного продовольственника. Управленцы остались голодными, и Риталю влетело от нас по первое число.

К костру подошел Копылов. Михеев пододвинул ему чурбак:

— Садитесь, товарищ старшина.

— Комиссар спит?

Я отозвался. Копылов доложил, что принес донесение от Лохова и два заявления о приеме в партию. Надо дать рекомендации.

— Трактор все еще не отремонтирован, — сообщил он. — Пигарев вряд ли сможет починить трактор. Что передать Лохову?

— Передай, Федор Петрович, что я обязательно приду. [81]

В красноватых отблесках костра невысокая фигура парторга 4-й батареи кажется совсем хрупкой. Но худое, узкое лицо спокойно.

— Не беспокойтесь. Пришлите только Копнина. Мы выберемся.

Я не беспокоюсь. Я знаю, что, пока в батарее есть такие коммунисты, как Коваль и Лохов, как Копылов и Баев, за успех дела можно быть спокойным.

Только в двенадцать часов дня мы тронулись с места. Вот и последний поворот. Отсюда видна мрачная «Долина смерти». Впереди нас движется обоз. Гитлеровцы открывают сильный артиллерийский огонь. Всплескиваются разрывы снарядов. Ездовые нахлестывают лошадей, но тощие кони бредут шагом.

Стоим возле деревянного сруба. Это дзот, охраняющий вход в «Долину смерти». Попов мечтательно говорит:

— Еще пять километров, и мы на Большой земле. Последние километры!

Но эти последние — самые трудные. Их надо пройти под огнем врага.

Полчаса длился налет вражеской артиллерии. Но вот он стал стихать. Майор сразу же дает команду:

— Трогай! — И мне: — Надо проскочить, пока немцы делают передышку.

Тихо стрекочут тракторы. Нервы напрягаются до предела. Начинает казаться, что фашисты хорошо слышат этот стрекот и вот уже нацеливают на нас свои орудия.

С первого трактора соскакивает боец с валенком в руке. Он подбегает к большой луже грязной воды, мочит в ней валенок и, быстро возвратившись, взбирается на машину, надевает мокрый валенок на выхлопную трубу. Стрекот почти прекратился. Затихает гул и остальных тракторов. И там на выхлопных трубах красуются валенки.

— Это твоя идея? — спрашиваю я Бориса Васильевича.

— Пойдем вперед, послушаем, с какого расстояния не слышно. — Попов прибавляет шаг и, улыбнувшись, спрашивает: — Что, неплохо придумано?

— Превосходно. Надо же додуматься! [82]

Не прошли мы и ста метров, как стрекота тракторов уже не было слышно. Лицо Попова расплывается в улыбке.

— Каково, а? Ведь проедем.

Перед самым выходом из «Долины смерти» мы все же попали под артиллерийский обстрел. Протрещала сорокой длинная пулеметная очередь, загнавшая нас за железную бочку, валявшуюся возле деревянного пастила. Потом заклекали мины.

Мимо нас с грохотом мчатся тракторы с гаубицами 6-й батареи. За рулем первой машины сидит Володя Копнин.

Майор Попов машет рукой, кричит:

— Давай быстрее!

А вот и 5-я. Держась за крышу кабины трактора, во весь рост стоит Василий Запарованный.

* * *

Мелколесье. Если смотреть с воздуха — заброшенная земля. Только кое-где проглядывают маленькие голубые окна-лужи, озера, поросшие ивняком. Здесь нам жить и учиться.

Строим землянки, большие, просторные, с окнами. Хотя и не знаем, долго ли будем здесь жить, но устраиваемся основательно, как будто на все лето.

В первые дни нашего пребывания здесь, возле станции Гряды, мы отправили в госпиталь 13 бойцов. У всех авитаминоз, цинга, дистрофия. Каждое утро хозяйственники Риталя бродят по лугам, собирают щавель. Едим его через силу.

Где-то далеко, возле Чудова, прозвучал глухой выстрел. Словно кто-то с силой ударил

поленом по дну пустой железной бочки. Нарастающий вой снаряда, низкий, басовитый. В полукилометре от нас вспыхивает яркое пламя, взрывается громадный кудреватый фонтан дыма. Доносится грохот, похожий на обвал большой каменной стены.

Проходит минута. Снова далекий глухой выстрел. Снова вой снаряда и тяжелый грохот.

— По станции Гряды бьет, — определяет Попов.

В его голосе слышались тревожные нотки: — Ну, если засечет нас, житья не даст, собака. Над землянками надо сделать крыши в три наката. Возле мест занятий вырыть [83] глубокие ровики, — приказывает он командирам батарей.

Обстрел станции продолжался минут пятнадцать. Потом наступила тишина. Где-то высоко в небе затянул свою весеннюю песенку жаворонок. Смотрим вверх, разыскиваем веселого певца.

— Поет! Вот солист! — восторженно говорит Мартынов. — И обстрел его не пугает. Молодец!

25 мая я вернулся в «Долину смерти» вместе с сержантом Копниным. Коваль встретил меня печальным известием: во время бомбежки ранило комиссара батареи Лохова. За день до моего прихода его отправили в медсанбат.

Положение наших частей за «Долиной смерти» значительно осложнилось. Теперь стало ясно, что мы покидаем этот участок фронта. Гитлеровцы не оставляют попыток закрыть выход из Ольховского мешка. Нажим идет и со стороны Спасской Полисти и со стороны Замощья. «Долина смерти» простреливается даже автоматным огнем. Одновременно фашисты давят и на 2-ю Ударную армию в районе Финев Луг — Вдицко — Кривино. Оставшиеся там соединения 2-й Ударной с трудом отбиваются и отходят в район Кречно.

4-я батарея стоит перед самой «Долиной смерти». Только нет уже на повороте дзота. Его разбило прямым попаданием бомбы. И опять я думаю о последних километрах, которые надо пройти. У нас был еще один выход из положения, довольно простой. Мы могли оставить здесь орудия и трактор и вывести только личный состав батареи. Никто не сказал бы нам и слова упрека за такое решение. Но мы, артиллеристы, сами не простим себе, если примем такое решение. И никто из личного состава батареи даже не заикнулся об этом.

В «Долине смерти» непрекращающийся грохот. Коваль долго смотрит на дорогу, на разрывы снарядов.

— Комиссар, — говорит он тихо. — Возьми группу ребят и иди вперед. Если на дороге окажется повозка или автомашина, спихивайте в болото. Мы поедем на предельной скорости. Выжмем из трактора все. Может, прорвемся.

Старший сержант Гузеев подбирает группу из десяти человек. И мы бежим вперед, туда, где свищут пули и грохочут разрывы. Опять злополучная бочка. Если проскочим [84] это место, можем поздравить себя с выходом из «Долины смерти».

Гузеев кричит:

— По одному, короткими перебежками...

Бежим вместе. Несколько раз падаем. Рядом свистят пули. Минут через пять Гузеев широко улыбается:

— Все! Проскочили. Теперь подождем трактор с орудиями. Да вот и он. Смотрите, как беговой

конь мчится!

Из дыма, нависшего над «Долиной смерти», выскакивает наш поезд. Володя Копнин опять за рулем. Побледневшее лицо напряжено, зубы стиснуты. Рядом с кабиной во весь рост стоит Коваль.

— Садитесь! — кричит он нам.

Володя сбавляет скорость, и мы садимся на раму. И снова полный ход. Возле места, где раньше была центральная усадьба совхоза «Красный ударник», останавливаемся. Коваль, чуть усмехнувшись уголками губ, презрительно бросил:

— Тоже мне артиллеристы!.. Всех бы их гнать от орудий.

Это он о вражеских артиллеристах. Я знаю, если бы пришлось вести огонь по такой дороге ему, Ковалю или Попову, наш поезд навсегда остался бы в «Долине смерти». А мы проскочили без потерь, если не считать нескольких довольно легких ранений.

31 мая гитлеровцы перерезали дорогу возле Мясного Бора. За «Долиной смерти» осталась еще большая группа войск, в том числе 3-й гвардейский полк нашей дивизии и команда Игнатьева.

Уже значительно позже мне стало известно, что командование Волховского фронта делало несколько попыток выбить фашистов с дороги. Но эти попытки не дали желаемого результата.

20 июня 8-й и 11-й гвардейские полки нашей дивизии, не закончив учебу, ушли в район Мясного Бора. С ними были направлены 1, 3 и 6-я батареи нашего полка. 21 июня гитлеровцы были выбиты из Мясного Бора, и остатки 2-й Ударной армии вышли из окружения. А через неделю вернулся в дивизион Игнатьев со своими бойцами.

С большим интересом выслушали мы рассказ старшего лейтенанта о действиях «особой группы». Это и понятно: [85] все с таким волнением ожидали возвращения однополчан...

Первую неделю работа шла нормально. С артиллерийского обменного пункта команда переносила к Мясному Бору стереотрубы, перископы-разведчики, панорамы к артиллерийским орудиям и пулеметы. До 25 мая ходили по деревянной дороге. Потом гитлеровцы от Мостков настолько приблизились к ней, что обстреливали ее из автоматов. Пришлось искать другие тропы. Они были известны Игнатьеву еще с того времени, когда 5-я батарея воевала здесь, поддерживая действия 24-й отдельной стрелковой бригады.

Стали ходить через коварное торфяное болото. Издали оно кажется ровным, ласкающим, словно покрывало из рыжего бархата, брошенное на твердую почву. По стоит сделать один неверный шаг — и начнет засасывать. Тропа черная. Грязь, вода. Кое-где перекинуты слегы с кочки на кочку. Под слегами грязевые окна, подчас бездонные.

Бойцы идут час, другой, третий... Впереди, как всегда, — Игнатьев. За ним Иван Гончаров. Замыкает колонну Федор Митрофанов. Изредка возле тропы рвутся вражеские снаряды, однако на них перестали обращать внимание. Трудные переходы окончательно вымотали Гончарова. Раньше балагурил, подпускал «огоньку» для веселья, а теперь ходил молча.

С 1 июня движение по этой тропе стало чрезвычайно опасным: гитлеровцы каждый день обстреливали весь участок. Через три дня, когда пришли в Кречно, бойцы попросили отдыха. Надо было постирать гимнастерки, белье, самим помыться. Залатать обмундирование. А то уж слишком оборвались все. Игнатьев согласился.

Под утро 6 июня пытались пройти между Мясным Бором и Любцами. Не удалось. Фашисты окончательно закрыли выход. Вернулись к Кречно. Несколько раз пробовали найти хотя бы маленькую лазейку, чтобы проскользнуть через вражескую оборону. Но всякий раз натыкались на гитлеровцев.

Решили присоединиться к 3-му гвардейскому стрелковому полку под командой гвардии подполковника А. В. Слепко и пробиваться к своим.

— Чем же вы питались эти три недели? — спросил я Игнатьева. [86]

— Когда уходили под Кречно, получили продукты на неделю вперед. Это нас спасло. Питались и подножным кормом. Раз в Керести рыбешки наловили. В конце июня появилась ягода. Не знаю, как она называется, но вкусная...

— Морошка?

— Пожалуй, она. Была и конинка. — Игнатьев слабо улыбнулся. — С душком, однако ели. Вместе с полком Слепко и пробивались на выход. 21 июня первый и третий батальоны вышли к своим. Гитлеровцы нажали. Штаб полка и второй батальон, а также наша команда остались в окружении. Началось самое тяжелое. Немцы прорвались к Кречно от Замощья. Те части, которые в этот момент от Ольхови и Финева Луга подходили к Кречно, оказались еще в одном кольце.

Мы решили еще раз попытаться счастья. Две ночи ползали по болоту, днем отсиживались в канаве с водой, вытекающей из озера. Место там самое глухое. На следующую ночь кое-как выползли. Фашисты совсем рядом были.

Во время этого перехода трое — Торохов, Копейко и Меркулов — пропали без вести.

...Два дня бойцы команды отдыхали, получили новое обмундирование, помылись в бане. Потом включились в обычную жизнь дивизиона.

* * *

Дни заняты до отказа. С раннего утра и до потемок. Политинформации, инструктажи политгрупповодов и агитаторов, разработка каждой темы политзанятий, совещания парторгов и комсorghов батарей — все это навалилось сразу, все требует немедленного исполнения. А тут еще комиссии из политотдела корпуса, из политуправления фронта...

Больше всего времени уделяю политзанятиям. Политотдел дал тематику, а содержание каждой темы разрабатываю сам.

Пишу подробные конспекты, подбираю газетный материал, зачастую выручают и ранее приобретенные знания.

Несколько дней писал донесение о команде старшего лейтенанта Игнатьева. Трудно, оказывается, хорошо рассказать на бумаге о коллективном подвиге. Особенно в [87] том случае, когда этот подвиг не имеет внешней яркости, когда он основан на скрытых моральных силах людей.

Год войны. Невиданно тяжелый и суровый. Нам пришлось отступить. Громадная территория захвачена наглым врагом. Но мы все же выстояли. И не просто выстояли, а нанесли врагу весьма ощутимый урон. Вот итоги боевых действий нашего дивизиона за последний период, когда нам пришлось биться в окружении.

Уничтожено огнем дивизиона: 204 гитлеровца, 7 дзотов, 11 пулеметных точек, полковая пушка, зенитная установка, взорвано 2 склада с боеприпасами, разбиты 4 грузовые автомашины и повозка с боеприпасами. Подавлено и частью уничтожено: 16 минометных батарей, 5 пулеметных точек и 5 артиллерийских батарей.

Наши потери за этот же период: убито — 7 человек, ранено — 22, пропало без вести — 4. Из материальной части мы потеряли только одну радиостанцию.

Много, правда, побито лошадей. Когда мы начинали бой в районе Ольховки, у нас было их 90, а осталось лишь 17. Но артиллерия уже сейчас постепенно переводится на механическую тягу. И это тоже показатель роста нашей силы.

Выросло также мастерство бойцов и командиров, их умение бить врага.

В декабре 1941 года в нашей партийной организации было только десять человек. Сейчас коммунистов в дивизионе сорок восемь. И сорок пять комсомольцев. Разве это не сила? Коммунисты всегда были впереди, показывали пример стойкости и мужества. Среди них — Федор Копылов, Семен Баев, Афанасий Дубина, Никита Залесский, Федор Митрофанов и многие другие.

Командир дивизиона выступил на общем собрании с докладом об итогах минувшего года.

— Кончилось наступление немцев. «Блицкриг» провалился, — говорит Борис Васильевич. — Может быть, кое-где фашисты и смогут потеснить нас, они еще сильны, но это будет уже только частное наступление. Сорок первый больше не повторится. А пройдет еще немного времени, и мы изгоним врага с нашей земли...

В газетах опубликовано сообщение Совинформбюро: «Еще одна фальшивка гитлеровского командования». [88]

Гитлеровцы на весь мир хвастливо заявили, что в волховских лесах они окружили и уничтожили большую группу советских войск. Перечислены даже номера соединений, якобы «полностью уничтоженных», в том числе назвали и наше. А в это время четкий строй закаленных в боях воинов стоял на лесных полянах недалеко от станции Гряды. (Дивизия к тому времени вошла в состав 6-го гвардейского корпуса, так же как и «уничтоженная» гитлеровцами 24-я гвардейская дивизия.)

436 просмотров всего 1 просмотр сегодня

